

могла быть осуществлена лишь частично и отдельными прорывами».⁶³

К этому бесспорному выводу добавим только еще одно соображение: Кантемиру, светский писатель, обратился к жанру сатиры и, развивая некоторые принципы Феофана Прокоповича, приравнивал их к новым литературным требованиям. Если Ломоносов позднее регламентировал «высокие» жанры классицизма, то Кантемир начал с «низких»: при этом каждый писатель по-своему использовал творчество Прокоповича, выбирая именно те элементы, которые были наиболее близки соответствующему жанру. Продолжая литературные поиски Феофана, писатели последующего поколения одновременно полемизировали с ним, строго упорядочивая использованные им приемы. Этот процесс формирования и становления русского классицизма, безусловно прогрессивный в историко-литературном отношении, приводил, однако, и к некоторым потерям. Стремясь к максимальной обобщенности и абстрагированию (напомним о рассмотренных выше различиях в обрисовке образа Петра у Прокоповича и у Ломоносова), писатели классицизма отвергали те черты творчества Прокоповича, которые были по достоинству оценены значительно позднее.

Живое слово Феофана, проникнутое мирскими заботами и интересами, нашло сочувственный отклик не только у его современников и ближайших продолжателей, но и у русских писателей второй половины XVIII в. Показательно, что публицистический талант Прокоповича особенно высоко оценил Н. И. Новиков. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» он назвал Феофана «первым из наилучших наших писателей, который многообразным учением столь себя прославил, что в ученой истории заслужил место между славнейшими писателями». Восхищаясь красноречием Феофана, Новиков подчеркивает его заслуги как «поборника и провозвестника великих трудов и преславных дел Петра Великаго».⁶⁴

Новиков уже не касается вопроса о чистоте слога, который так волновал Ломоносова и Сумарокова, и это факт, заслуживающий внимания. Для писателей, разрабатывавших «высокие» жанры классицизма и выступавших теоретиками этого направления, вопрос о соответствии «штиля» жанру имел первостепенное значение, а «слова» Феофана не укладывались в рамки, предназначенные для «высокого» жанра проповеди или панегирика. Ближайшим преемником проповедника Феофана оказался сатирик Кантемир — обстоятельство довольно парадоксальное с точки

⁶³ Л. В. Пумпянский. Кантемир. — В кн.: История русской литературы, т. III, стр. 191.

⁶⁴ Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 178.